

ISSN 1728-5283

МАТЕМАТИКА

ХИМИЯ

БИОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
2019. Том 33. №4 (96)

МЕДИЦИНА

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЕ
КОНФЕРЕНЦИИ

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

ПОРТРЕТЫ
УЧЕНЫХ

В МИРЕ КНИГ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

НАУКА

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

2019. Том 33, № 4 (96)

Издается с 1996 г. 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.В. Кунакова, д.х.н., акад. АН РБ,
главный редактор (Уфа)
Б.А. Азнабаев, д.и.н. (Уфа)
А.С. Беляева, д.т.н. (Уфа)
Р.А. Валиуллин, д.т.н., акад. АН РБ (Уфа)
В.Е. Владыкин, д.и.н. (Ижевск)
А.М. Гареев, д.г.н. (Уфа)
И.С. Гулиев, д.г.-м.н. (Баку)
А.А. Иванов, д.и.н. (Йошкар-Ола)
В.А. Иванов, д.и.н. (Уфа)
В.А. Ильиных, д.и.н. (Новосибирск)
Т.Т. Казанцева, д.г.-м.н., акад. АН РБ (Уфа)
С.Г. Ковалев, д.г.-м.н. (Уфа)
Г.Е. Корнилов, д.и.н. (Екатеринбург)
Г.Г. Кулиев, д.ф.-м.н. (Баку)
И.Л. Кызласов, д.и.н. (Москва)
Р.И. Нигматулин, д.ф.-м.н., акад. РАН
(Москва, Россия)
М.Ф. Обыденнов, д.и.н. (Уфа)
В.И. Осипов, д.г.-м.н., акад. РАН
(Москва, Россия)
Г.М. Панахов, д.т.н. (Баку)
В.Н. Пучков, д.г.-м.н., чл.-корр. РАН (Уфа)
Р.Р. Садиков, д.и.н. (Уфа)
Ю.Н. Смирнов, д.и.н. (Самара)
Тоган Исанбике, д.и.н. (Анкара, Турция)
Тоёкава Коити, д.и.н. (Токио, Япония)
Е.А. Удалова, д.т.н. (Уфа)
А.Р. Хабибуллина, д.и.н. (Уфа)
А.М. Шаммазов, д.т.н. (Уфа)
Р.Г. Юсупов, д.и.н. (Уфа)
М.Б. Ямалов, д.и.н. (Уфа)

HERALD

OF THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

2019. Vol. 33 (4)

Published quarterly since 1996

EDITORIAL BOARD

R.V. Kunakova, Editor-in-Chief (Ufa, Russia)
B.A. Aznabaev (Ufa, Russia)
A.S. Belyaeva (Ufa, Russia)
R.A. Valiullin (Ufa, Russia)
V.E. Vladykin (Izhevsk, Russia)
A.M. Gareev (Ufa, Russia)
I.S. Guliev (Baku, Azerbaijan)
A.A. Ivanov (Yoshkar-Ola, Russia)
V.A. Ivanov (Ufa, Russia)
V.A. Ilyinykh (Novosibirsk, Russia)
T.T. Kazantseva (Ufa, Russia)
S.G. Kovalev (Ufa, Russia)
G.E. Kornilov (Ufa, Russia)
G.G. Kuliev (Baku, Azerbaijan)
I.L. Kyzlasov (Moscow, Russia)
R.I. Nigmatulin (Moscow, Russia)
M.F. Obydenov (Ufa, Russia)
V.I. Osipov (Moscow, Russia)
G.M. Panakhov (Baku, Azerbaijan)
V.N. Puchkov (Ufa, Russia)
R.R. Sadikov (Ufa, Russia)
Yu.N. Smirnov (Samara, Russia)
Togan, Isenbike (Ankara, Turkey)
Toyokawa, Koichi (Tokyo, Japan)
E.A. Udalova (Ufa, Russia)
A.R. Khabibullina (Ufa, Russia)
A.M. Shammazov (Ufa, Russia)
R.G. Yusupov (Ufa, Russia)
M.B. Yamalov (Ufa, Russia)

местоположение которой в 2015 г. обнаружить не удалось.

При прокладке дороги лог был углублен, при этом была повреждена часть площадки памятника, где расположен раскоп В.А. Иванова. Мыс залесен (кленово-осиновый лес), высота террасы от современной поверхности составляет 30 м, характер склона – обрывистый [4, с. 127, рис. 1].

Исследования показали, что в древнейшую эпоху укрепленная площадка городища, или «кремль», была окружена широким жилым кольцом, или «предместьями». Границу одного из таких «предместьев» и удалось установить в ходе рекогносцировочных работ в 2015 г. Площадь распространения культурного слоя за укрепленной частью составила 5100 м².

Характерной чертой данного памятника является высокая насыщенность культурного слоя керамическим и археозоологическим материалом [3]. Керамический комплекс насчитывает 615 фрагментов лепной керамики. Орнамент на керамике чаще всего располагается на основании горла и верхней части плечика. Основная масса керамики украшена пояском круглых ямок либо вдавлений округло-овальной формы. Ряд сосудов орнаментирован насечками различных видов, у одного сосуда срез венчика также украшен насечками. Орнамент с гребенчатым штампом и шнуровая керамика не выявлены. Как-либо закономерностей в расположении керамики с различными типами орнаментации по горизонтам не прослежено. Таким образом, по составу керамического материала культурный слой за пределами укрепленной линии можно считать однородным. Отсутствие стерильных прослоек показывает, что поселение использовалось непрерывно на протяжении длительного времени [4, с. 128].

Датирующим материалом являются бронзовые втульчатые наконечники стрел (обнаруженные в шурфе №3, горизонт 3), которые укладываются в типологию, разработанную С.В. Кузьминых и бытуют в среде кара-абызского населения IV–III вв. до н.э. Еще одним датирующим предметом является обломок бронзовой зооморфной накладки (шурф № 2,

горизонт 2). Данный вид поясных украшений встречается в погребениях IV–III вв. до н.э. Охлебининского могильника. Достаточно редкой и интересной находкой является фрагмент железной фибулы (шурф № 2, горизонт 2), которая датируется II – серединой III в. н.э. [4, с. 130].

В 2017 г. исследования были продолжены и производились с целью установления северной (северо-восточной) границы распространения культурного слоя за укрепленной линией памятника (рис. 1). В результате полевых работ было заложено шесть рекогносцировочных шурфов. Наиболее информативным стал шурф № 2, из которого происходит наибольшее количество находок. Самым массовым материалом являются фрагменты лепных сосудов (44 экз.), все фрагменты лепной керамики содержат примесь дробленой раковины или песка в тесте, хорошего кострового обжига. Большинство фрагментов неорнаментированные, лишь два венчика орнаментированы пояском круглых ямок. Весь керамический комплекс, полученный в ходе исследований, относится к кара-абызской археологической культуре.

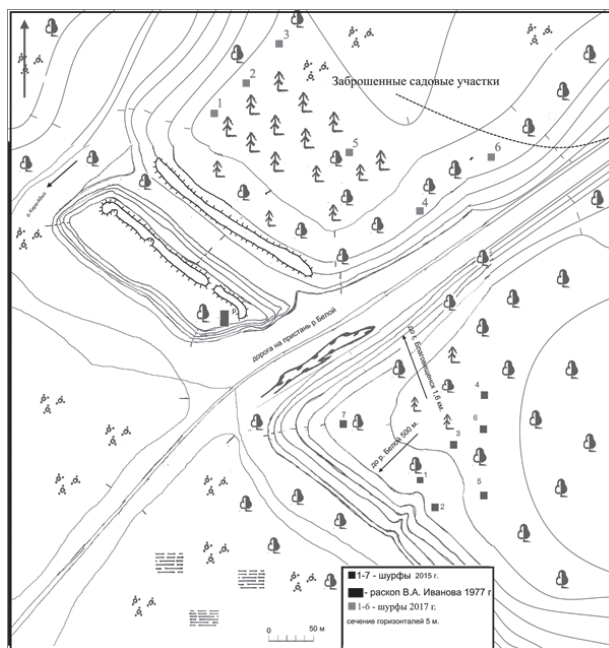

Рис. 1. Инструментальный план городища Кара-Абыз

Из шурфа № 2 были отобраны образцы для палинологического анализа. Размеры

шурфа 1x1 м, глубина 0,75 м. Из полученного разреза высотой 0,7 м взято 8 проб. Образцы отбирались снизу вверх через каждые 0,1 м. При анализе спорово-пыльцевого состава проб использована стандартная методика [5, с. 127]. Описание отложений приводится сверху вниз.

Мощность, м

1. Гумусированная почва, СП 7..... 0,16
2. Темно-коричневая супесь, СП 6 0,13
3. Темно-бурая супесь, СП 3-5 0,20
4. Суглинок бурый плотный, СП 1, 2 0,20

Дополнительно отобрана поверхностная проба (СП 8).

В результате получена следующая картина жизнедеятельности локального участка («предместья»/посада городища). Начало функционирования приходится на эпоху раннего железного века (IV/III в. до н.э.), к этому времени относятся единичные находки карабызской керамики с примесью раковины в тесте. Площадка за укрепленной линией городища в начальный период представляла собой залесенный участок, на котором были распространены лиственные леса, состоящие из липы и березы. По опушкам встречались папоротники и плауны (СП-1, рис. 2).

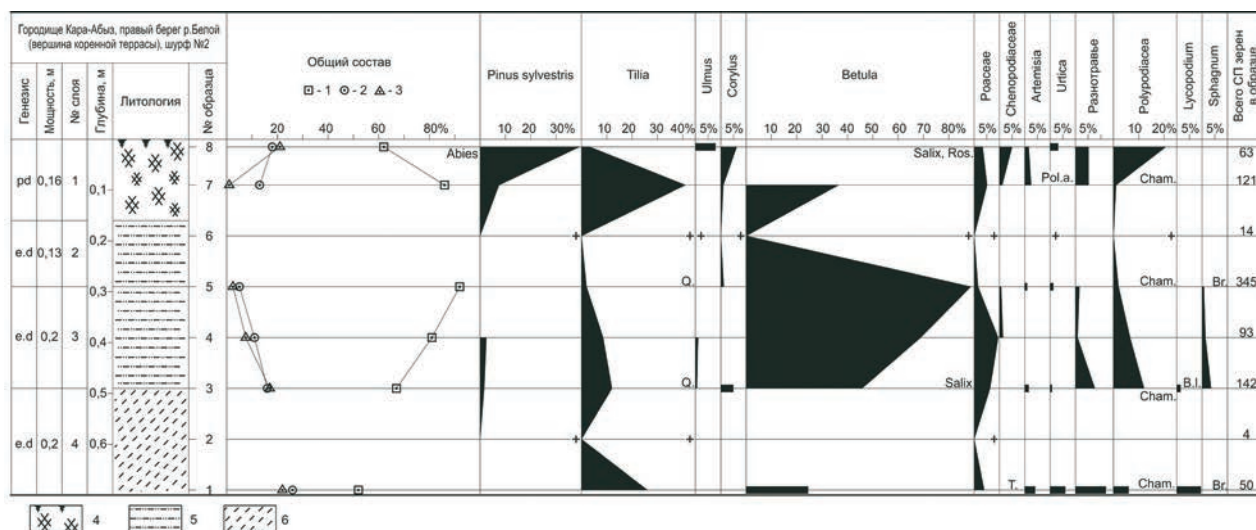

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений городища Кара-Абыз (шурф 2).

Примечание – 1 – пыльца деревьев и кустарников, 2 – пыльца трав и кустарничков, 3 – споры, 4 – почва, 5 – супесь, 6 – суглинок. Генезис: pd – почва, e, d – элювиальный, делювиальный. Сокращенные названия растений: Abies – Abies sp., Q. – Quercus robur, Salix – Salix sp., Ros. – Rosaceae, Pol.a. – Polygonum aviculare, Cham. – Chamerion angustifolium, T. – Typha sp., B.l. – Botrychium lunaria, Br. – Bryales.

Небольшие открытые пространства были заняты естественной злаково-разнотравной и разнообразной синантропной (подорожник, полынь, крапива, иван-чай узколистый) растительностью. Также единично отмечены прибрежно-водные элементы (рогоз). Климат был теплым и влажным.

Следующие пробы (СП 3-5) фиксируют процесс аридизации. Роль широколиственных пород в составе древостоя существенно снижается, а береза становится главной лесобразующей породой. Среди травянисто-кустарничковых растений увеличивается роль злаков. Также возрастает разнообразие синантропной флоры (маревые, полынь,

крапива, щавель, иван-чай, подорожник). Находки спор сфагнума и ивы (СП 1, 3-5) указывают на то, что изучаемая территория подвергалась подтоплению и заболачиванию лишь в самые начальные периоды. Количество керамики возрастает, зафиксированы два венчика, орнаментированные пояском круглых ямок, с примесью раковины.

Пробы, взятые из верхних горизонтов, показали, что на завершающем этапе (СП 7) отмечено резкое повышение доли липы, а также сосны в лесных массивах. Климат стал более прохладным и гумидным. Небольшие открытые участки были заняты злаками и разнообразными синантропными растени-

ями (маревые, полынь, конопля, иван-чай, горец птичий). Эта фаза существования посада городища характеризуется единичными находками кара-абызской керамики и появлением материалов, связанных с эпохой позднего средневековья. Кольцо с овальным щитком (горизонт 1); аналогичная находка зафиксирована на городище Уфа-II в 2009 г. и относится к чияликскому слою городища (XII-XIV вв.) [6, с. 50, рис. 143]. Количество керамики сокращается в 2,5 раза, практически полностью исчезает примесь раковины и превалирует примесь песка и раковины в тесте. Абсолютное большинство керамики не орнаментировано. Необходимо отметить наличие поздних материалов и в шурфе №3, из которого происходит бронзовая подвеска-бубенчик с рельефным орнаментом, которая имеет многочисленные аналогии в культуре «поздних кочевников» в Башкирии и датируется Н.А. Мажитовым XII-XIII вв. [7, с. 222; с. 267, рис. 90, 9].

Поверхностная проба (СП 8) указывает на широкое распространение светлохвойных сосновых лесов с примесью пихты и широколиственных пород. Полученный спектр адекватно отражает современные ландшафты, примесь заносной пыльцы отсутствует.

Для определения формирования отложений на цитадели городища в 2017 г. была расконсервирована северная стенка раскопа В.А. Иванова [8]. Общая глубина шурфа составила 1,40 м. Образцы для спорово-пыльцевого анализа отбирались снизу вверх через каждые 0,1 м. Всего получено 14 проб.

Мощность, м

- 1. Коричневато-серая гумусированная супесь, СП 12-14 0,35
- 2. Серая гумусированная супесь, СП 7-11 0,57
- 3. Оранжевая супесь с золой, СП 6 0,03
- 4. Палевая и серая супесь с золой, СП 1-5 0,45

Стратиграфическое распределение находок в комплексе и составы спорово-пыльцевых спектров (СП 1-12, рис. 3) наглядно показывают динамику изменений от основания культурного слоя к его верхней части. Первоначально (СП 1-6) на изучаемой территории

были распространены открытые пространства, занятые разнообразной лугово-степной, преимущественно злаковой растительностью. На опушках небольших по площади широколиственных липово-вязовых лесов с примесью березы и сосны росли папоротники и плауны. По берегам водоемов были распространены ива, горец земноводный, осока и кувшинка. Имелись и небольшие заболоченные участки (сфагнум и зеленые мхи). Территория в указанный период испытывала незначительную антропогенную нагрузку. Синантропная растительность была представлена рудеральными (крапива, конопля, полынь, п/сем. цикориевые) и пасквальными таксонами (горец птичий). Климат был сухой и теплый.

К этому этапу существования городища мы косвенно можем отнести материалы позднеананьинского времени. К данному периоду относится железный чекан, найденный близ городища Кара-Абыз, который датируется VI-V вв. до н.э. [9, с. 140-141] и бронзовый кельт, датировка которого определяется исследователями не позднее V в. до н.э. [9, с. 64]. Необходимо отметить, что вышеуказанные находки не стратифицированы, в связи с этим мы не можем с уверенностью утверждать о наличии позднеананьинского населения на территории городища, что также подтверждает отсутствие керамики ананьинского типа.

В.А. Ивановым в ходе исследований было установлено, что керамика кара-абызского типа залегала на песчаной подсыпке толщиной до 10 см, перекрывавшей довольно мощный слой темно-бурой плотной супеси с единичными находками костей и фрагментов керамики. Данный слой мы сопоставляем со спектром (СП 6), который характеризует начало возрастания гумидности климата: отмечено небольшое увеличение площадей широколиственных лесов и сокращение доли открытых пространств.

Позже исследуемый участок подвергается значительному облесению (СП 7, 8). При этом в составе лесов существенно увеличивается роль липовых насаждений. Разнообразие травянистых растений снижается, от-

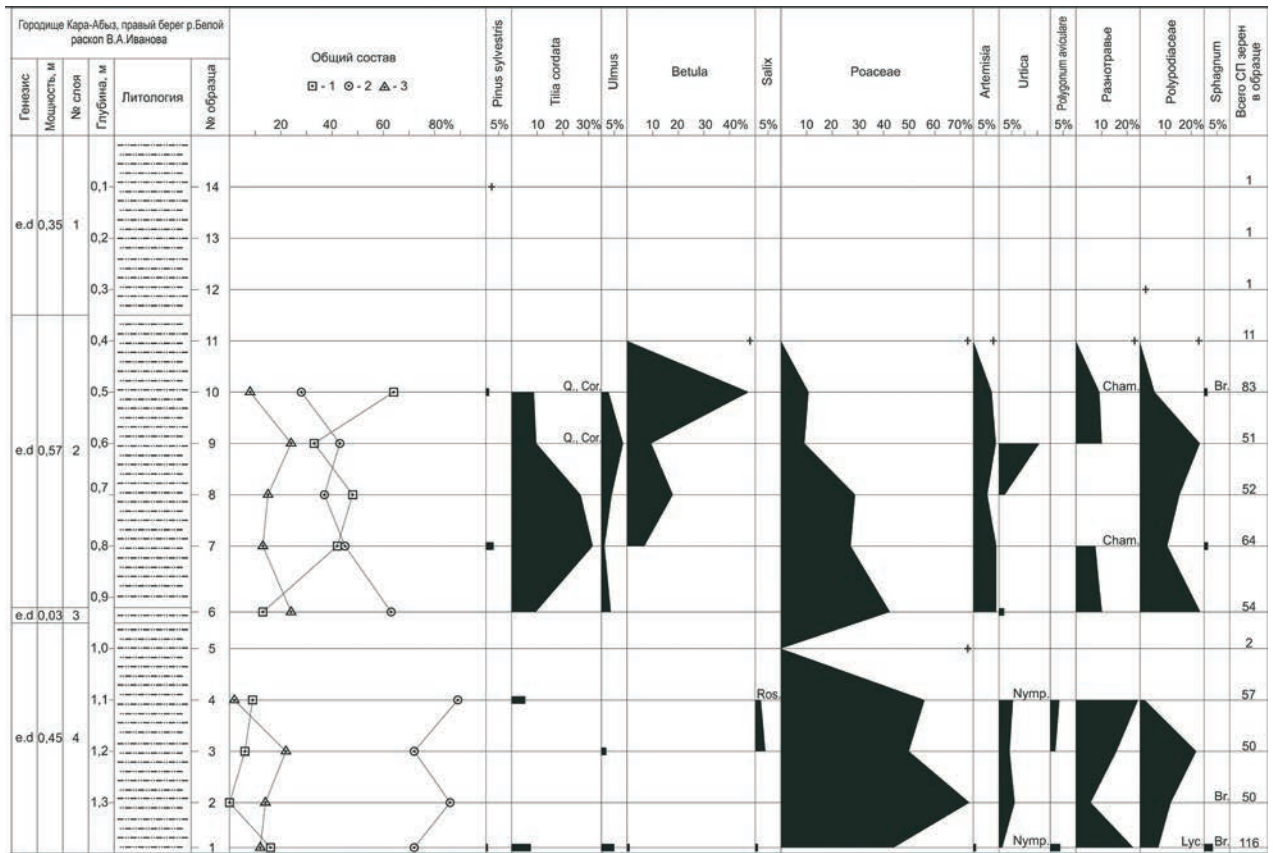

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений городища Кара-Абыз (раскоп В.А. Иванова).

Примечание – сокращенные названия растений: Cor. – *Corylus avellana*, Nymf. – *Nymphaeaceae*, Lyc. – *Lycoridium* sp.

крытые участки занимают в основном злаки и рудеральная растительность (полынь, крапива и иван-чай узколистный). Климат становится более влажным.

Позже площади лесных массивов становятся еще больше (СП 9, 10). При этом существенно увеличиваются площади березовых лесов. Наряду с уменьшением доли широколиственных пород в составе древостоя, отмечено увеличение их разнообразия. Кроме липы и вяза в лесах начинают встречаться дуб и лещина. Злаки хотя и перестают быть доминантами, по-прежнему имеют высокую долю в спектрах. Широкое распространение в этот период получает синантропная (полынь, лопух, крапива, конопля и иван-чай узколистный) и луговая (п/сем астровые, зонтичные, норичниковые и мальвовые) растительность. Также отмечены прибрежно-водные и болотные элементы (горец земноводный, сфагнум). Климат стал суше.

С данным этапом связан основной керамический комплекс, относящийся к кара-абызской культуре – толстостенные сосуды с примесью раковины в тесте, из которых В.А. Ивановым были выделены: а) сосуды, украшенные пояском круглых ямок по шейке (61 сосуд); б) украшенные пояском бесформенных вдавлений (69 сосудов); в) неорнаментированные (62 сосуда). Особую группу составляют сосуды, отнесенные к «гафурийскому типу»: с примесью талька в глиняном тесте, с характерным утолщением венчика и внутренним ребром при переходе шейки в тулово [10, с. 180]. С кара-абызским слоем связаны находки железных ножей, глиняных пряслиц, крупной синей бусины и бронзового втульчатого трехлопастного наконечника [8, с. 174-175]. В верхних горизонтах данного этапа появляется керамика бахмутинского (чандарского) облика, с примесью песка и мелкой гальки в тесте, украшена ямочными

- народной научной конференции. Вып. 5. Часть 1. Тюмень: Изд-во: Тюменский государственный университет, 2016. С. 143–146.
15. Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 242–244.
 16. Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Палинологическое исследование культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. № 3 (25). 2018. С. 88–102.
 17. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. (Предварительный отчёт о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Прилож. № 2. Уфа: Октябрьский натиск, 1929. 28 с.

REFERENCES

1. Arkheologicheskaya karta Bashkirii [Archeological map of Bashkiria]. O. N. Bader (ed.). Moscow, Nauka, 1976, 260 p. (In Russian).
2. Chizhevsky A.A. Nachalnyy period izucheniya arkheologii epokhi bronzы i rannego zheleznogo veka v Volgo-Kamyе. Poleyе issledovaniya [Initial investigation period of the Late Bronze and Early Iron Ages in the Volga-Kama region. Field studies]. Povolzhskaya arkheologiya – Archaeology of the Volga Region, 2013, no. 2 (4), pp. 40–63. (In Russian).
3. Protsenko A.S., Sataev R.M. K voprosu ob osnovakh zhizneobespечeniya nositeley kara-abyzskoy arkheologicheskoy kultury [On vital basics of the people of the Kara-Abyz archaeological culture]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of the Tomsk State University. History, 2016, no. 6 (44), p. 125–133. (In Russian).
4. Protsenko A.S. Nekotorye itogi izucheniya Kara-Abyzskogo gorodishcha (po materialam rekognostsirovочnykh rabot 2015 g.) [Some results of the studies on the Kara-Abyz ancient settlement (according to the materials of exploration works in 2015)]. Arkheologiya Evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference “Ananyino World: Cultural Space, Relations, Traditions and Innovations.” S.V. Kuzminykh, A.A. Chizhevsky (eds). Kazan, Kazanskaya nedvizhimost, 2017, pp. 127–133. (In Russian).
5. Grichuk V.P., Zaklinskaya E.D. Analiz iskopaemykh pyltsy i spor i ego primeneniye v paleogeografii [Analysis of fossil pollen and spores and its application in paleogeography]. Moscow, Geografgiz, 1948, pp. 127–129. (In Russian).
6. Mazhitov N.A., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Mukhametdinov V.I., Sungatov A.F. Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2009 goda [Ancient settlement Ufa 2. The excavation data of 2009]. Vol. 4. Ufa, DizaynPoligrafServis, 2011, 244 p. (In Russian).
7. Mazhitov N.A. Yuzhnyy Ural XII–XIV vv [The South Urals in the 12th – 14th centuries [Stepi Evrazii v epokhu srednevekovya [Eurasian steppes in the Middle Ages]. Arkheologiya SSSR [Archaeology of the USSR]. S.A. Pletneva (ed.). Moscow, Nauka, 1981, pp. 222–223. (In Russian).
8. Ivanov V.A. Issledovaniya pamyatnikov na pravoberezhye r. Belaya [Studying the ancient sites on the right bank of the Belaya River] Arheologicheskie otkrytiya 1977 goda [Archaeological findings in 1977]. Moscow, Nauka, 1978, pp. 174–175. (In Russian).
9. Kuzminykh S.V. Metallurgiya Volgo-Kamyа v rannem zheleznom veke [Metallurgy of the Volga-Kama region in the Early Iron Age]. Moscow, Nauka, 1983. 258 p. (In Russian).
10. Protsenko A.S. Stratigrafiya keramiki kara-abyzskoy kultury (po materialam gorodishcha Kara-Abyz) [Stratigraphy of Kara-Abyz culture ceramics (according to the data on the Kara-Abyz ancient settlement)]. Arheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytiy k fundamentalnomu nauchnomu znaniyu [Archeological heritage of the Urals: From the first discoveries to fundamental scientific knowledge]. The 20th Ural Archeological Conference. R.D. Goldina (ed.) Izhevsk, Institut kompyuternykh issledovaniy, 2016, pp. 178–181. (In Russian).
11. Ivanov V.A. Naseleniye nizhney i sredney Belayy v ananyinskuyu epokhu [Population of the Lower and Middle Belaya River in the Ananyino period]. PhD Thesis in History. Ufa, 1978. 177 p. (In Russian).
12. Savelyev N.S., Ovsyannikov V.V., Kurmanov R.G. Prirodnye i etnokulturnye transformatsii na rubezhe er v lesostepi Priuralya (po dannym gorodishcha Akberdino-II) [Natural and ethnocultural transformations at the turn of the era in the forest-

